

1. Шесть упоминаний о русском каганате

Упоминания о русском каганате, которых всего шесть, делятся на две хронологические группы. Первая группа включает в себя три или четыре источника.

1а. Как сообщают Бертинские Анналы, византийскую миссию, принятую императором Людовиком Благочестивым в Ингельгейме на Рейне 18 мая 839 г., сопровождала группа людей, которые своим королем, называемым каганом (*chaganus*), были посланы к императору Феофилу; эти люди утверждали, что они из народа *Rhos*. А так как обратный их путь был прегражден «народами варварскими и дикими, жестокости непомерной», Феофил попросил Людовика Благочестивого позволить им беспрепятственно вернуться в свою страну через его империю. Легко подсчитать, что послы кагана должны были выехать из своей страны не позднее весны 837 г., а то и на год-два раньше, если нашествие «варваров» (венгров) заставило их отложить отъезд из Константинополя ⁴.

1б. Примерно 30 лет спустя, весной 871 г., византийский император Василий I направил резкое письмо императору Людовику II Итальяскому, известное нам из длинного ответа последнего, сохраненного в Салернской Хронике ⁵. В феврале 871 г. франкская армия отвоевала у арабов город Бари в южной Италии; в операции принимал участие византийский флот, но, вопреки ожиданиям Василия I, город ему отдан не был. Уязвленный Василий I не нашел ничего лучшего, чем заметить Людовику II, что тот не имеет права именовать себя императором, а должен довольствоваться титулом *rex*. По мнению Василия, каждый государь имеет собственный титул: например, титул кагана (*chaganus*) носят верховные правители аваров, хазар (*Gazani*) и норманнов (*Nortmanni*). Защищая свое право на императорский титул, Людовик II пространно прокомментировал доводы Василия и указал, что «заметил» (*repperimus*) — вероятно, в исторических сочинениях — лишь аварского кагана, но не хазарского и не норманнского. Норманнский каган, неизвестный франкскому императору, может быть только каганом народа *Rhos*, упоминаемого в Бертинских Анналах. В самом деле, скандинавское происхождение руси, настойчиво отрицаемое некоторыми современными историками, отнюдь не было секретом для современников. Приведем лишь один пример: Иоанн Диякон в Венецианской Хронике описывает набег росов (*Ros*) на предместья Константинополя в 860 г. (см. ниже) как нападение *Normanorum gentes*.

1в. Далее следует упомянуть арабское описание Восточной Европы, использованное некоторыми восточными географами. Этот источник, названный польским востоковедом Тадеушем Левицким «Анонимной запиской», датируется 870—880 гг. ⁶. Я процитирую лишь начало «русской» главы текста в древнейшем из сохранившихся его вариантов, принадлежащем Ибн Русте (около 920 г.): «Русы живут на полуострове, окруженном болотами. Этот полуостров на расстоянии трехдневного пути состоит из лесов и болот; он зловонен, и земля его настолько сырая, что движется при ходьбе по ней. Государь их носит титул кагана русов. Они ведут разбойную войну против славян, захватывают пленников, которых продают хазарам и болгарам» ⁷. Автор «Анонимной записки» стремится указывать точные титулы правителей описываемых народов, что увеличивает ценность его свидетельства о кагане русов. В этом тексте, как и в современном ему письме Василия I, упоминаются лишь два «действующих» кагана (аварский каган давно уже принадлежал к истории) — хазарский и русский.

Сюда же можно отнести и сообщение, содержащееся в *Книге стран* аль-Якуби (889—890), согласно которому панары, осажденные в 854 г. у себя на родине в горах к югу от Дарьяла арабской армией под предводительством Буги «старшего», «писали византийскому государю, хазарскому государю и государю славян (*al-Sakaliba*)» ⁸. Трудно себе представить, кто бы мог быть этим государем славян, упоминаемым наравне с византийским императором и хазарским каганом, кроме кагана русов. Первые арабские географы, в том числе Ибн Хордадбех, смешивали русов со славянами. Выбор государей в безусловно легендарном рассказе аль-Якуби о панарах, призвавших международную помощь, возможно, объясняется тем, что после нападения на порт Абаскун на южном побережье Каспийского моря в эпоху владычества алида аль-Хасана б. Зайда (864—884) русь завоевала определенную известность в Закавказье ⁹.

Таким образом, первая группа сообщений с упоминанием титула «каган» выпадает на короткий промежуток в 40—50 лет в середине IX в. Тексты второй группы появились на 200 лет позже и принципиально отличны от предыдущих. Если в первой группе текстов несомненно упоминается официальный титул русского суверена, то более поздним сообщениям отнюдь не свойственна подобная протокольная точность.

2а. Иларион, поставленный митрополитом Киевским в 1051 г., в своем «Слове о законе и благодати» несколько раз употребил слово «каган» по отношению к прославляемому им первому князю-христианину Владимиру и его сыну Ярославу, княжившему в то время ¹⁰.

2б. Короткая надпись на стене собора Святой Софии Киевской выражает мольбу о божественном избавлении для (не названного) «нашего кагана», которым, по мнению издателя, мог быть сын Ярослава Святослав, княживший в Киеве в 1073—1076 гг. ¹¹.

2в. Автор «Слова о полку Игореве» (конеп XII в.) называет «коганом» Олега, сына Святослава и внука Ярослава, который, однако, не унаследовал стол своего отца в Киеве ¹².

Двухвековой разрыв между двумя группами текстов крайне редко комментировался исследователями. Так, в исследовании по лексике «Повести временных лет» говорится, что титул «каган» не выходил из официального употребления, а его отсутствие в летописи объясняется цензурной правкой, заменившей повсюду титул «каган» титулом «князь» ¹³. Но в одной из недавних статей было указано на произвольный характер данной концепции ¹⁴. Титул «каган» (за исключением хазарского кагана) отсутствует в повествовательной части русских летописей; нет его и в трех договорах руси с Византией, сохранившихся в ПВЛ. И — что самое главное — русский суверен не носит титул кагана в дипломатической главе «Книги церемоний». Этот справочник придворного церемониала, составленный около 946 г. в Константинополе под руководством Константина VII Багрянородного, содержит главу, в которой перечислены точные титулы иностранных государей — адресатов императорских посланий. Однако правитель России носит там скромный титул архонта ¹⁵. Здесь напрашивается сравнение с письмом Василия I Людовику II. В обоих текстах речь идет о правилах дипломатического этикета, но если, согласно первому, Византия признает двух «действующих» каганов, то во втором остается только один. Каган народа *Rhos/Rus/Nortmanni* исчезает где-то между 871 и 946 гг.; на самом же деле он, очевидно, исчез до 911 г. — даты первого договора между Византией и русью. На основании того, что в подробном описании русов, составленном арабским дипломатом Ибн Фадланом в 922 г., фигурирует их король (*malik*) и нет упоминания о кагане, П.Б. Голден делает вывод, что такой должности уже не было в начале X в. ¹⁶. В эпоху же Ярослава Мудрого осталось лишь смутное воспоминание о лестном титуле, отразившееся в панегирике.

В двух недавних исследованиях само понятие каганата и, как следствие, природа русского каганата излишне концептуализируются. Должность кагана у тюркских народов представлена как исключительная принадлежность «харизматического клана» Ашина, правившего первым тюркским каганатом; хазарские правители, в свою очередь, унаследовали этот титул благодаря родственным связям с этим древним родом. Что же касается русских, то они якобы могли позаимствовать его только у хазар. По мнению П.Б. Голдена, титул был пожалован руси: хазарскому кагану понадобился вассальный русский каган в бассейне Оки для отражения угрозы со стороны венгров; возможно, политический союз был скреплен династическим браком. После ухода венгров в Паннонию «вассальный каганат» перестал существовать — то ли под нажимом венгров, то ли попросту потому, что хазарский каган, не нуждаясь в нем более, лишил его «легитимности» ¹⁷. Династические связи лежат и в основе концепции О. Прицака: ему представляется, что некий хазарский каган, несогласный с обращением своей страны в иудаизм, бежал в далекую Русь, в Ростов, где его сыновья переженились на дочерях «харизматического клана» викингов *Ynglingar* и таким образом положили начало династии каганов. Вопрос о политической зависимости нового кага-

ната от хазар Прицак не ставит, так как, по его мнению, бегство кагана было спровоцировано междоусобной войной в Хазарии¹⁸.

Однако вышеупомянутые идеи представляются слишком спекулятивными, чтобы с ними можно было согласиться. Родственные связи между каганами хазар и кланом Ашина не доказаны и неправдоподобны¹⁹. Отсутствуют серьезные основания и для утверждения, что титул кагана принадлежал только одному клану. Если «законный» титул принадлежал Ашина, то каким образом его могли носить правители аваров — заклятых врагов тюркского каганата? Политические реалии на востоке Европы, по сути, мало отличались от происходящего на Западе, где в 800 г. Карл Великий объявил себя императором. Как византийцы неустанно пытались разъяснить ему и его потомкам в течение всего последующего столетия, указанное решение было произвольным и незаконным. Но этот небольшой протокольный конфликт не воспрепятствовал всеобщему признанию нового императорского титула, на фоне которого выделялась только византийская канцелярия, хотя и она при случае не препятствовала сотрудничеству между западными и византийскими императорами. Что же касается идеи о «вассальном каганате», предложенной П.Б. Голденем, то она не имеет аналогов в истории Хазарии. С точки зрения иностранцев, в частности автора «Анонимной записки», составившего подробное описание подвластных Хазарии народов, оба кагана — хазарский и русский — стоят на одном иерархическом уровне. Поэтому есть смысл вернуться к простой идее, недавно поддержанной А.П. Новосельцевым, о том, что, настаивая на праве носить титул кагана, вождь русов тем самым претендовал на равенство с хазарским сувереном²⁰. Учитывая расстояние, разделявшее обоих протагонистов (см. ниже), эти претензии не должны были неизбежно приводить к открытым конфликтам.

Ниже предложены некоторые соображения с целью более убедительного обоснования и уточнения хронологических границ существования русского каганата. Но прежде, чем приступить к рассмотрению природы этого исторического образования, его местонахождения и обстоятельств исчезновения, следует дать обзор известных фактов, имеющих отношение к русской истории эпохи каганата.

II. История народа Rhos в эпоху каганата

События, имеющие отношение к истории русского государства в IX в., реконструируются главным образом на основе данных из византийских источников. Среди них выделяются два основных эпизода, о которых мы и будем говорить ниже: нападение русов на Константинополь летом 860 г. и принятие ими христианства в конце того же десятилетия. Однако это не первые контакты руси с Византией.

Принято считать, что древнейшие сведения о походе руси к берегам Черного моря содержатся в славянском житии св. Стефана Сурожского. Согласно этому тексту, русские разгромили все крымское побережье от Херсона до Сурожа через несколько лет после смерти святого, т. е. около 800 г. Ничего подобного не происходит в кратком греческом житии св. Стефана. Впрочем, со времени выхода классической работы В.Г. Васильевского известно, что славянское житие является поздней компиляцией, созданной едва ли ранее XV в. В.Г. Васильевский полагал, что в этом фантастическом рассказе можно выделить исторический фон, частью которого является русское нападение, но это сомнительный прием: у нас нет оснований утверждать, что компилятор располагал достоверным историческим источником²¹. Я, со своей стороны, могу лишь подписаться под словами А.А. Васильева, по мнению которого славянское житие Стефана Сурожского представляет больший интерес для истории русской литературы позднего средневековья, чем для истории как таковой²².

Другой источник, известный благодаря все той же работе В.Г. Васильевского, — житие св. Георгия, епископа Амастридского, чье посмертное вмешательство смягчает последствия нападения руси на его город. В.Г. Васильевский показал, что этот текст был написан в период иконоборчества, и атрибутировал его Игнатию (ок. 775 — ок. 848), плодовитому агнографу и «попутчику» второго

этапа иконоборчества (815—843)²³. Анализ В.Г. Васильевского был подвергнут критике исследователями, либо не соглашавшимися с атрибуцией жития Игнатию, либо считавшими описание нападения на Амастриду поздней вставкой, сделанной после русского похода 860 г. или даже 941 г.²⁴ Но аргументы В.Г. Васильевского решительно поддержал И. Шевченко, и с тех пор атрибуция жития (включая и русский эпизод) Игнатию получила широкое признание²⁵. Нападение руси на азиатский берег Черного моря произошло после смерти Георгия Амастридского (около 806 г.), но до возобновления почитания икон в 843 г. — *terminus ante quem* для рассматриваемого жития. Если согласиться с часто предлагаемым объяснением, согласно которому послы русского кагана — *amicitiae petitores*, пришедшие в Константинополь *amicitiae causa*, — прибыли около 837 г. с мирной миссией после нападения, описанного Игнатием, то последнее событие следует датировать началом 830-х годов²⁶. Русский набег начался с грабежа Пропонтиды, недалеко от византийской столицы; возможно, это явилось следствием неудачно сложившейся торговой экспедиции в Константинополь. Затем, повернув к востоку, русь напала на Амастриду. Как утверждает автор жития, народ Рос был «как всем известно, ужасно груб, жесток и лишен всякого человеколюбия»²⁷. Уже в столь раннюю эпоху русь была известна в Византии.

После отъезда послов в начале лета 838 г. о народе Рос больше ничего не говорится вплоть до знаменитого похода летом 860 г. Это неожиданное нападение на пригороды Константинополя очень хорошо засвидетельствовано источниками. Ход событий изложен в третьей и четвертой проповедях патриарха Фотия. Дата прибытия руси — 18 июня 860 г. — сохранилась в Брюссельской хронике²⁸; радость по поводу их ухода выражена в четвертой проповеди Фотия, которую, по-видимому, следует датировать четвертым августом²⁹. Таким образом, более месяца русь громила окрестности византийской столицы и острова Пропонтиды³⁰; возможно, при этом происходили и попытки взять город штурмом или, во всяком случае, продемонстрировать силу у морских подходов к нему³¹.

Враг, называемый в заглавии проповедей «Рос», а в тексте — «скифы», пришел с крайнего севера по «судоходным рекам и негостеприимным морям»³², т. е. по рекам, протекающим к северу от Черного («Гостеприимного») моря. Он описывается как «не имеющий верховного главы», что является общим местом по отношению к «скифам»³³, и как «снаряженный на рабский манер»³⁴, что, как замечает А.Н. Сахаров, указывает на славянское происхождение нападавших³⁵. Логика этого замечания неясна. Фотий говорит о военном снаряжении нападавших, причем речь идет о пеших войсках. Столь презрительное отношение к пешим воинам обусловлено их подчиненным статусом в византийской армии. Например, по мнению Иоанна Евхаитского, изображение св. Феодора Тирона на старой иконе в образе пехотинца свидетельствует о его скромном социальном положении, а то и вовсе о бедности³⁶.

Все источники начиная с Фотия рассматривают избавление города как чудо, чаще всего объясняемое вмешательством Богородицы, но они расходятся в вопросе о постигшей русь участи. Фотий сообщает только, что они ушли с огромной добычей. Век спустя Продолжатель Феофана отметил, что поход руси состоялся в отсутствие Михаила III, и объяснил их уход Божьим гневом, который обрушился на них по молитве Фотия³⁷. Это довольно неясное сообщение в более развернутом варианте изложено в рассказе, представленном одновременно у Продолжателя Амартола, Льва Грамматика и Феодосия Мелитенского, к которому Симеон Логофет прибавил лишь ошибочные хронологические детали. Согласно этому рассказу, император Михаил III вернулся в осажденный город, вместе с Фотием вознес молитву к Богу, затем вместе с патриархом погрузил мафорий Богородицы в море и тем вызвал сильную бурю, потопившую большую часть русских кораблей³⁸. Этот же рассказ в несколько приукрашенном виде мы находим и в самом позднем нашем источнике — Брюссельской хронике, где описывается и вовсе полный разгром и истребление руси византийцами³⁹.

Сведения, почерпнутые из Фотия, решительно расходятся с позднейшими источниками. В частности, тот факт, что в его проповеди IV не говорится о возвращении Михаила III в осажденную столицу, начисто исключает подобный вариант. Тем не менее ряд исследователей использует эту и другие версии поздних

источников. По мнению К. Де Боора, Михаил III прибыл в город уже *после* ухода руси, устроил погоню за ними и нанес им поражение на обратном пути. С. Манго полагает, что мщение Михаила III настигло «some Russian stragglers (who) continued to loot the shores of the Bosphorus after the bulk of the fled had left»⁴⁰. Поместив это ключевое событие после ухода руси, удается избежать противоречия с данными Фотия, но остается внутреннее противоречие. Будь то буря или военное поражение, в поздних источниках указанное событие преподносится как причина ухода руси, а это, как показывает проповедь IV, не соответствует действительности. Практически один и тот же рассказ, известный нам в изложении Продолжателя Амартола, Льва Грамматика и Феодора Мелитенского, представляет византийскую историю IX в. в соответствии с общей концепцией, проглядывающей как в русском эпизоде, так и в рассказе о приятии христианства болгарам (см. Приложение) и имеющей целью приумножение побед, одержанных земными и небесными защитниками Империи.

Реальность, представленная в современных русскому походу источниках, выглядит отнюдь не так красочно. В письме от 28 сентября 865 г., адресованном папой Николаем I Михаилу III, говорится о недавнем опустошении окрестностей Константинополя язычниками (*pagani*), которым удалось уйти, избежав какой бы то ни было мести (*nulla fit ultio*)⁴¹. Согласно «Венецианской хронике» Иоанна Диякона, русь (*Normanorum gentes*), разорив *suburbanum* Константинополя, с триумфом вернулись восвояси (*et sic praedicta gens cum triumpho ad propriam regressa est*)⁴². Рассказ о чудесном наказании агрессоров, таким образом, оказывается не более чем благочестивой фантазией византийских хронистов.

О принятии русью христианства нам известно из самого надежного источника: о нем объявлено в окружном послании патриарха Фотия восточным патриархам от начала 867 г. Как отмечает Фотий, это те же русы, которые незадолго до того, покорив своих соседей, возгордились настолько, что решились посягнуть на власть самой Римской империи. Но отныне эти закоренелые безбожники и враги веры Христовой становятся подданными Империи и защитниками ее интересов. Дабы удовлетворить рвение к вере новообращенных, Фотий послал к ним епископа⁴³.

В следующем столетии Продолжатель Феофана вкратце упомянул о крещении руси при Михаиле III и Фотии, уточнив, что произошло это после того, как русские послы, принятые в Константинополе спустя немного времени после нападения руси на византийскую столицу, обратились с соответствующей просьбой к византийским властям⁴⁴. Однако тот же источник содержит и другой рассказ об обращении руси — на этот раз уже при императоре Василии I и патриархе Игнатии. Здесь обстоятельства, сопровождавшие это событие, представлены в другом свете. На сей раз русы уже не обращаются с просьбой к византийцам: напротив, сами византийцы активно склоняют их к заключению соглашения с помощью богатых подарков — золота, серебра и шелковых тканей. Глава русской церкви, рукоположенный Игнатием, имеет сан архиепископа⁴⁵.

Высказывалось предположение, что второй рассказ дублирует первый. Действительно, Константин Багрянородный, автор биографии Василия I в «Продолжателе Феофана», стремился всячески приукрасить деяния своего деда, и он мог бы, конечно, приписать Василию I сделанное Михаилом III⁴⁶. Однако если принять во внимание особенности каждого из рассказов, а также свидетельство Фотия, то гипотеза о дублете теряет привлекательность. Крещение изначально было инициативой русов: это они отправили послов и стремились к примирению с Империей после набега 860 г. Но Фотий явно неправильно понял их шаг. Он воспринял его как изъявление покорности и обошелся с русами как с подданными Империи, отправив к ним простого епископа. Незадолго до этого та же политика в Болгарии привела его к досадной неудаче. Болгарский хан Борис, крещенный в 865 г., не добившись от Фотия автокефалии для своей церкви, через год прогнал из страны византийское духовенство и пригласил миссионеров папы Николая I⁴⁷. Русский каган также должен был принять за оскорбление отправку к нему (около 866 г.) простого епископа. Василию I, убившему Михаила III в сентябре 867 г., пришлось затем улаживать русов подарками, а новый патриарх Игнатий послал им архиепископа. Таким же образом Игнатию удалось

переманить и Болгарию от папы весной 870 г. Константин VII не устоял перед искушением придать своеобразный литературный лоск рассказу о (второй) византийской миссии к руси. Так, архиепископ убеждает паству в силе своей религии с помощью великого чуда: по требованию русов он бросает Евангелие в горящую печь и по прошествии «достаточного» времени вынимает его целым и невредимым. Автор использовал здесь известный прием обращения в христианство северных варваров. От епископа Капитона, одного из героев «Житий святых епископов Херсонских», жители города потребовали войти в горящую печь и провести там «достаточное» количество времени; выйдя из печи невредимым, он сумел обратить их в христианскую веру⁴⁸. Но использование литературного мотива отнюдь не ставит под сомнение достоверность концепции двухэтапного обращения в христианство, представленной в Продолжателе Феофана и принимаемой многими исследователями. Дата крещения руси, 881—882 (6390) гг., фигурирующая в кратком сообщении второй половины XV в., не имеет исторической ценности⁴⁹. Следует полагать, что первый шаг со стороны руси был принят около 866 г., а архиепископ был отправлен приблизительно в 870 г.⁵⁰

Не считая обычных ссылок на привилегированный статус, который Византия предоставляла христианским народам, неожиданное принятие русью христианства до сих пор не получило объяснения⁵¹. На наш взгляд, историческая цепочка, приведшая болгар и русских к крещению, берет начало далеко от их стран — в Хазарии. Знаменитый диспут трех монотеистических религий состоялся при дворе хазарского кагана в 861 г.; тщательным образом подготовленная победа еврейской религии открыла дорогу для официального обращения Хазарии в иудаизм. А не позднее зимы 863/864 гг. (согласно сообщению, полученному папой Николаем I в мае 864 г.) болгарский царь Борис одобрил переход в христианство некоторых своих подданных и сам объявил о намерении стать христианином⁵². В то же время он вел переговоры с Константинопольским двором, приведшие к крещению Болгарии в конце 865 г. Некоторые византийские хронисты середины X в. объясняли крещение хана угрозой со стороны имперской армии; современные историки называют и другие факторы, а именно военное давление со стороны Людовика Германского или стремление к этническому объединению болгарского государства. Однако военная операция византийцев кажется совершенной выдумкой, а объяснения исследователей, на наш взгляд, не вполне адекватны (см. Приложение). Хронологическая близость трех событий явно свидетельствует о том, что именно выбор хазарами еврейской религии заставил их давних врагов болгар броситься в противоположный лагерь и повлиял на религиозный выбор северного соперника хазарского каганата — каганата русского.

Как бы то ни было, русское архиепископство и вообще христианство среди русов исчезли так же внезапно и бесследно, как и сам каганат. Несомненно, они исчезли одновременно.

III. Локализация русского каганата и обстоятельства его исчезновения

Относительно местонахождения русского каганата и «острова руссов», где, согласно «Анонимному рассказу», находилась резиденция кагана, выдвигались различные гипотезы. Так, были попытки обнаружить их в Скандинавии, на острове Валькерен во Фризии⁵³, на севере современной России, в Среднем Поднепровье и даже на побережье Черного моря. Хороший обзор литературы по этому вопросу недавно представил Дж. Шепард⁵⁴; отсылая читателя к его работе, мы постараемся подробнее рассмотреть некоторые затронутые в ней проблемы.

Английский ученый, как и большинство его предшественников, отвергает гипотезу о скандинавской локализации, ссылаясь на отсутствие каких бы то ни было упоминаний о кагане в североевропейской традиции, а также на незнание о нем Людовика II, несмотря на его регулярные контакты со скандинавами. Можно также отметить, что, согласно принятой этимологии, имя Ros/Rus/Русь происходит от слова *Ruotsi*, что по-фински значит «шведы»; это может указывать на то, что данный этноним относился к шведам, обосновавшимся за преде-

лами родины, на территории, местное население которой говорило по-фински. Шепард не обсуждает уже устаревшую теорию, помещавшую русь на Черноморском побережье — на полуострове Тамань или в Крыму⁵⁵; мы упоминаем ее здесь лишь для полноты картины. Две гипотезы, сохраняющие актуальность в настоящее время, помещают русский каганат на Среднем Поднепровье (с центром в Киеве) или на Волхове.

Киевская гипотеза, наиболее распространенная, опирается на давнюю историографическую традицию, предполагающую существование могущественного русского государства на Днепре по крайней мере с середины IX в. Повесть временных лет датирует 862 г. не только приход Рюрика и его братьев в северные города, но и захват Киева Аскольдом и Диром, воинами Рюрика, порвавшими с ним, после того как они обнаружили этот «выморочный» город. Тот же источник приписывает Аскольду и Диру поход на Константинополь и датирует его 866 г. Казалось бы, тем самым вопрос закрывается⁵⁶: во многих исследованиях речь идет о «кагане» Аскольде (титул, которым ПВЛ его не наделяет), Дир превращается в предшественника Аскольда на троне и суверена, отправляющего из Киева то самое посольство, которое упомянуто в Бертинских Анналах, и наконец, в Киев же прибывают византийские миссии при Михаиле III и Василии I.

Эта концепция вызывает ряд затруднений. Западные ученые чаще всего объясняют появление «руси» на Днепре ранним проникновением туда скандинавов, которые принесли с собой это название⁵⁷. Напротив, для многих российских и украинских исследователей Русь на Днепре представляет собой автохтонное, не имеющее ничего общего со скандинавами образование, название которого происходит от *Roxolani* (племя, которое ассоциируется с сарматами), *Rosomoni* (упоминаемые Иорданом), а то и *Rochousco* или иного слова, начинающегося на *po-*. Идея о том, что название *Ros/Русь* имеет иранское происхождение (*rukhs*), но было заимствовано славянами и таким образом утвердилось на Днепре, долгое время развивалась Г. Вернадским⁵⁸; с ее помощью ряд ученых стремится обосновать предположение о появлении в Среднем Поднепровье в конце VIII или в IX в. государственного образования, называемого «Русская земля»⁵⁹. Большинство сторонников этой концепции, как и Г. Вернадский, отрицают скандинавскую этимологию названия «Русь». Есть и другой подход, в частности М.И. Артамонова, который признавал скандинавские корни северной Руси, оставляя при этом за южной Русью право на автохтонное происхождение; в начале IX в. Русь и Русь встречаются и объединяются для долгой совместной жизни⁶⁰. Однако попытки связать происхождение названия «Русь» с названием «*Roxolani*» или иного племени Северного Причерноморья, известным со времен античности, не выдерживают критики⁶¹. Что же касается трогательной гипотезы об объединении, выдвинутой М.И. Артамоновым и поддержанной некоторыми известными археологами, то в ней есть своя логика, весьма поучительная в данном случае. Если учесть скандинавское происхождение названия «Русь» и в то же время отсутствие скандинавских древностей на Днепре ранее X в. (см. ниже), то у этих ученых не остается другой возможности спасти священный образ могущественной «Киевской Руси», существовавшей с IX в., кроме как настаивая на особом происхождении ее имени.

Филологическое обоснование киевской гипотезы представляется весьма ненадежным. Давно было отмечено, что описание похода на Константинополь в русских летописях заимствовано из славянского перевода Продолжателя Амартола. Две древнейшие летописи — Новгородская первая (вернее отражающая Начальный свод) и Повесть временных лет — черпали сведения из этого источника: первая — через посредство утерянного «Хронографа по великому изложению», а вторая — непосредственно. Связь же между походом на византийскую столицу и именами Аскольда и Диры имеет место только в ПВЛ и, как отметил недавно в замечательной статье О.В. Творогов, обусловлена тем, что составитель летописи синхронизировал (ошибочную) дату похода (866) и установленное им время правления Аскольда и Диры (862—882)⁶². В сущности, составитель ПВЛ прибавил к информации греческого источника лишь эти два имени. Он точно воспроизвел рассказ о буре, уничтожившей «безбожных русов» у стен осажденного города после совместной молитвы патриарха Фотия и императора Михаила III. В Никоновской летописи (ок. 1530 г.) этот рассказ дополнен неправдопо-

добным описанием скорби в Киеве после возвращения Аскольда и Дира с несколькими уцелевшими участниками похода⁶³. Таким образом, мы можем констатировать, что русская историографическая традиция не сохранила никакой памяти о знаменитом походе на Константинополь и что, воспользовавшись греческим источником (в данном случае, наименее достоверным), она превратила успешную военную операцию в полное поражение.

В первых русских летописях не сохранилось и сведений о крещении страны при Фотии и Игнатии, ибо это событие не упомянуто Продолжателем Амартола. Оно появляется в русских исторических компиляциях лишь с начала XVI в. благодаря болгарскому переводу (XIV в.) Хроники Зонары и особенно ее сокращению, называемому *Паралипоменон* (начало XV в.), в которых имеется краткий рассказ о данном событии. В русской традиции это крещение связано с именами Аскольда и Дира⁶⁴. Что касается Фотия, то его имя несколько раз упоминается в связи с рассказом о крещении Владимира (989). По мнению М.Ю. Брайчевского, это доказывает, что летописцы XI—XII вв. сговорились между собой, чтобы стереть память о связях между Фотием и Аскольдом и украсить рассказ о крещении Владимира подробностями, относящимися к Аскольду и почерпнутыми из русской летописи IX в., так называемой «Хроники Аскольда». М.Ю. Брайчевский даже написал («реконструировал») эту апокрифическую летопись, где контакты между Византией и Киевом в середине IX в. описаны весьма детально⁶⁵. Но оставляя в стороне эти анекдотические построения, приходится с удивлением признать, что два важнейших события русской истории IX в. — поход на Константинополь и принятие христианства — не оставили никакого следа в исторической памяти народа. Это еще одно таинственное «исчезновение», требующее объяснения наряду с исчезновением каганата.

Возвращаясь к вопросу о русском каганате на Днепре, приходится констатировать, что любая усматриваемая в письменных источниках связь между событиями русской истории и этим гипотетическим образованием иллюзорна. Более того, масштабные археологические раскопки, в течение нескольких лет проводившиеся в Киеве, показали, что его история берет начало в конце IX в., а к середине X в. он превращается в важный городской центр. В критическом обзоре работ украинских археологов И. Каллмер датирует начало самого раннего «урбанистического» этапа истории Киева 880-ми годами, подчеркивая при этом, что IX в. — один из наименее интересных периодов в истории этой издревле заселенной местности⁶⁶. Следует также отметить полное отсутствие в Киеве и на всем Среднем Поднепровье каких-либо скандинавских находок ранее X в. В таком случае, если только не отрицать скандинавское происхождение руси, которая отправилась к императору Феофилу около 837 г. и напала на Константинополь в 860 г., то как объяснить, что от их значительного присутствия в Киеве не осталось никаких следов, даже в захоронениях?

С данными раскопок поселений согласуются и монетные находки. Распределение монетных кладов, исследованное В.Л. Яниным в 1956 г., обнаружило любопытный феномен: в течение двух последних третей IX в. (это «вторая фаза» обращения диргемов в Восточной Европе) иссякает приток диргемов в район нижнего и среднего течения Днепра. В.Л. Янин констатировал, что в указанный период данный регион выпадает из зоны монетного обращения, связанной торговыми отношениями с халифатом. Однако эти торговые связи сохранялись на севере и на востоке. Кроме того, как отмечает В.Л. Янин, указанное наблюдение потом часто игнорировалось — данные монетных находок не позволяют возводить начало функционирования «пути из варяг в греки», соединявшего Киев и Константинополь, к IX в.⁶⁷ Таким образом, в 830—860 гг. могучее Киевское государство должно было существовать в абсолютном экономическом вакууме. Более 20 лет спустя после публикации работы В.Л. Янина его выводы пересмотрел В.В. Кропоткин. Количество найденных кладов, относящихся ко «второй фазе», увеличилось с 35 до 45, но их по-прежнему почти нет по берегам среднего Днепра⁶⁸. Отсюда Т. Нуан логично делает вывод об отсутствии торговых связей между Киевом и Востоком ранее 900 г.⁶⁹

До сих пор эта странная лакуна — две последние трети IX в. в истории Нижнего и Среднего Поднепровья — не получила никакого объяснения⁷⁰. Однако,

как показано в нашей недавней статье, около 836—889 гг. этот регион находился на периферии венгерского протогосударства, отсекшего от Хазарии ранее принадлежавшую ей причерноморскую степь. В «*De administrando imperio*» Константина Багрянородного страна к западу от Дона, занятая венграми, носит название Леведии. Соседние славянские племена, согласно «Анонимной записке» подвергались грабёжам и насилию со стороны венгров. Около 889 г. печенеги по приказу хазарского каганата выгнали венгров из страны Леведии⁷¹. Этим объясняется новое оживление восточной торговли в направлении Среднего Поднепровья через посредство Хазарии и новой печенежской территории, о чем свидетельствуют два клада — в Новой Лазаревке, недалеко от устья Днепра (не ранее 893 г.), и в Полтаве (не ранее 883 г., по позднейшей монете, вероятно, зарыт несколько лет спустя). Но эта история тяготеет к X в. Здесь же достаточно подчеркнуть, что ни письменные источники, ни археологические и монетные находки, ни, наконец, анализ этнополитических аспектов истории региона не дают никаких сведений о существовании могучего русского и (или) славянского государства в Среднем Поднепровье на протяжении IX в.

Ввиду бесперспективности киевской гипотезы остается лишь север современной России. Тезис о русском каганате на севере развивает Д. А. Мачинский, по мнению которого его центр находился сначала в Ладоге, затем в (Рюриковом) Городище (Holmgård скандинавской традиции — «остров руссов»), а главными поселениями были Холопий Городок и Городище на Сясе⁷². Этой же точки зрения придерживается и Дж. Шепард, по мнению которого резиденцией кагана было (Рюриково) Городище — крупнейшее русское поселение на верхнем Волхове в середине IX в. Северная локализация каганата и «острова руссов» давно пользуется популярностью у востоковедов⁷³; археологические находки последних десятилетий существенно подкрепили эту гипотезу. Если раньше раскопки проводились главным образом в Ладоге, то теперь исследуются и другие поселения, дающие находки, скандинавское происхождение которых — независимо от количественной пропорции скандинавов в населении — является основным доказательством «русского» присутствия в IX в.

Археология дает сведения относительно реального местонахождения руси, но за последние 20 лет довольно точные хронологические данные, касающиеся истории двух основных поселений — Ладоги и (Рюрикова) Городища, — были получены благодаря дендрохронологии. Однако объединить эти данные в одну концепцию, построенную с учетом греческих источников и русских летописей, оказывается совсем не просто. Ниже вкратце изложим существующие в настоящее время идеи по этому поводу, чтобы затем предложить новую концепцию, по возможности менее противоречивую.

Дендрохронологический анализ дерева, найденного в Ладоге, позволил предположить, что сильный пожар полностью разрушил город приблизительно в 860 г. Это открытие сразу же сопоставили с указанной в ПВЛ датой изгнания варягов и призвания Рюрика местными племенами. ПВЛ в погодной записи за 859 г. сообщает о приходе «из-за моря» варягов, которые обложили тяжелой данью местные племена — чудь, словен, мерю и кривичей, а в записи за 862 г. отмечается, что варяги были изгнаны этими племенами, которые вследствие начавшихся после этого междоусобных войн призвали Рюрика для наведения порядка в стране. Независимо от того, насколько этот рассказ соответствует исторической действительности (см. ниже), его хронологические рамки представляются совершенно искусственными: изгнание варягов, междоусобные войны и призвание Рюрика происходят в один и тот же год. Филологи не придают большого значения датам, указанным в русских летописях в частях, относящихся ко второй половине IX и первой половине X вв.: если они не основаны на данных переводных источников, то всего оказываются домыслами летописцев⁷⁴. Однако, казалось бы, дендрохронология должна была развеять скептицизм филологов. В статье, подписанной пятью специалистами в области «скандинавской» археологии, ладожский пожар, датируемый 860 г., рассматривается в связи с междоусобными войнами, последовавшими за изгнанием варягов; таким образом, вроде бы подтверждалась традиционная дата прихода Рюрика⁷⁵.

Но вскоре выяснилось, что таким образом очерченные хронологические

рамки слишком узки. В ходе недавних раскопок ладожского Земляного городища был обнаружен кусок дерева, срубленного в 863 г. и лежавшего в слое, предшествующем пожару. Другой фрагмент, датируемый 871 г., был обнаружен в постройке, восстановленной после пожара. Отсюда руководитель раскопок сделал вывод, что пожар произошел между 863 и 870 гг., и это позволило исследователю вновь обратиться к летописной хронологии, на этот раз в «пересмотренной и исправленной» версии Б.А. Рыбакова, датировавшего изгнание варягов 867 г., а приход Рюрика — 868 г.⁷⁶ Этим же годом датируется еще один кусок дерева, использованного после пожара и найденного в раскопе на Варяжской улице⁷⁷. На основании этих данных С.Л. Кузьмин предложил считать «условной датой» пожара 865 г.⁷⁸ Не вдаваясь здесь в критику взглядов Б.А. Рыбакова, отметим другое. В стремлении придерживаться летописных дат археологи притягивают к ним интерпретацию данных дендрохронологии. Пожар, разумеется, произошел после 863 г., но необязательно до 868 или 871 г.: бревна, датированные этими годами, могли быть использованы вторично или просто срублены до пожара.

Принятие 865 г. в качестве ориентировочной даты пожара вносит раскол между Северной (называемой «Верхней» или «Внешней») и Киевской Русью. Действительно, хотя Д.А. Мачинский и рассмотрел возможность приписать поход 860 г. северному каганату (не отрицая при этом, что его могли совершить русы, «уже осевшие» в Киеве)⁷⁹, он ни разу не упомянул о крещении Руси, и не случайно. Согласно хронологической схеме Мачинского, гибель северного государства происходит как раз в период между походом руси и крещением, которое, по свидетельству Фотия, приняла та же русь. Шепард, связывающий поход и крещение с северным каганатом, считает, что пожар был следствием внутренних конфликтов среди скандинавских поселенцев, не оказавших большого влияния на жизнь каганата⁸⁰. Однако этими конфликтами невозможно объяснить серию «исчезновений» — каганата, христианства, исторической памяти, о которой мы говорили выше. Шепард прекрасно показал, что ввиду отсутствия каких-либо следов поселения и присутствия руси в Киеве упоминаемая в греческих и латинских источниках IX в. русь может иметь отношение только к северному каганату; основываясь на этом, постараемся построить связный исторический рассказ с учетом данных текстов и археологических раскопок.

Сначала напомним о наиболее существенных для нас результатах раскопок Ладоги. Вторая треть IX в. отмечена резким демографическим и экономическим подъемом; возрастает число скандинавских находок. В плане градостроительства отмечается появление по берегам Ладожки «парцелл», имеющих в ширину около 6 м и разделенных канавами; А.Н. Кирпичников сравнивает их с планировкой города Риббе в Дании⁸¹. Конец этому этапу положил пожар, огромные масштабы которого подтвердила недавняя находка на дне канавы, разделяющей две парцеллы, обгоревших черепов ребенка 4—5 лет и женщины 35—40 лет. После пожара зона парцелл была перепланирована⁸². Заброшенные парцеллы подчеркивают важность пожара для стратиграфии Ладоги. Он отделяет слой 840—860 гг. от слоя, датируемого либо 860—920 гг., либо, в недавних исследованиях, 860/870—890 гг.⁸³ За этим слоем, исключительно бедным в истории поселения, последовал новый подъем, ознаменовавшийся постройкой около 894 г. «большого дома»⁸⁴.

В отличие от ладожского пожара, историческое значение которого подчеркивается во всех публикациях, пожару, уничтожившему в ту же эпоху (Рюриково) Городище, Е.Н. Носов уделил меньше внимания в своей основополагающей публикации этого памятника. Однако пожар — это поворотный пункт в истории Городища. Первоначально, в середине IX в., оно представляло собой укрепленное поселение, расположенное на вершине холма, который превращался в остров в разлив Волхова (отсюда частое сопоставление Городища с «островом руссов»). Окруженное рвом и крутыми склонами холма, поселение имело площадь 1,0—1,2 га. Остатки его построек очень плохо сохранились, особенно это касается органических материалов, поэтому невозможно использовать дендрохронологию. Тем не менее пожар оставил многочисленные следы, а на его дату указывает ряд согласующихся между собой данных. В фундаменте постройки № 1 Е.Н. Носов

обнаружил маленький «клад» из семи аббасидских монет (четыре целые и три фрагмента), тронутых огнем, позднейшая из которых датируется 867 г. Постройка № 13 содержит в пласте пожара фрагмент диргема третьей четверти IX в. Из семи обгоревших диргемов (большой частью уцелевших лишь частично и, по-видимому, бывших содержимым кошелька), обнаруженных в постройке № 17, два наиболее поздних были отчеканены между 855 и 861 гг. В сгоревших постройках обнаружена только лепная керамика (гончарная керамика появилась на Городище около 890—900 гг.). Таким образом, пожар, уничтоживший Городище, произошел немного позднее 867 г.; затем планировка поселения изменилась. Слоем золы, датируемой с помощью углерода (С-14) приблизительно 880 г. (плюс-минус 20 лет), покрыто подножие холма и заполнены ров и расселина; на древней расселине и была построена хлебопекарная печь, деревянная ограда которой дает первые дендродаты Городища: 889, 896, 897 гг.⁸⁵ Расселина и ров теряют оборонительное значение вследствие роста поселения.

Но следы разрушений не ограничиваются этими двумя крупнейшими поселениями. Городище на Сясе, значение которого подчеркивается в работах Д.А. Мачинского, было уничтожено пожаром до появления гончарной керамики, следовательно, до второй четверти X в.; так закончился первый этап заселения этой местности⁸⁶. Другое крупное поселение — Холопий Городок (название возникло после вторичного заселения во второй половине XIII в.) — было сожжено и заброшено в IX в. (который хорошо представлен находками), до появления гончарной керамики⁸⁷. Первичное обследование поселения Новые Дубовики обнаружило не только следы пожара, но и явное уменьшение площади поселения ближе к эпохе распространения гончарной керамики⁸⁸. И наконец, Любшанское городище в 1,5 км от Ладоги погибло в огне совсем незадолго до появления гончарной керамики⁸⁸. Эти факты, отнюдь не исчерпывающие, и никогда не ставились в один ряд, но картина получается довольно определенная. Разрушение постигло все поселения IX в., которые, судя по находкам скандинавского и восточного происхождения, относились к русскому каганату. Впрочем, речь не идет о целенаправленном уничтожении именно «варяжских» поселений. Труворово городище (будущий Изборск), население которого, по мнению С.В. Белецкого, составляли славяне и финны, в середине IX в. было разрушено и сожжено агрессорами, носившими оружие североевропейского типа, иными словами, скандинавами; по мнению того же исследователя, вскоре после 860 г. пожар уничтожил и другое, соседнее с Псковом поселение Камно — племенной центр финской культуры Камно-Рыуге⁹⁰. Таким образом, речь идет о тотальной войне, жертвами которой были не только скандинавы и масштабы которой станут ясны лишь после проведения систематического исследования всех разрушенных поселений.

С учетом изложенного можем снова обратиться к предлагаемой археологами интерпретации известного пожара в Ладоге: им ознаменовано изгнание варягов, о котором говорится в русских летописях. Уничтожение каганата, о котором еще не знал Василий I, когда писал Людовику II, произошло едва ли ранее 870 г., но, очевидно, и не намного позже этой даты. Действительно, христианская религия, принятая русью в конце 860-х годов, не оставила никаких материальных следов в северных поселениях. Между принятием христианства и исчезновением каганата прошло совсем немного времени. Масштабами этого катаклизма и объясняется та глубокая трещина, которая пролегла между первым этапом проникновения руси на север современной России и следующим, начавшимся с приходом Рюрика.

IV. Время появления Рюрика

Рассказ о приходе Рюрика, называемый «Легендой о призвании варягов», представлен в различных деталях, но сходных по сути вариантах в Новгородской первой летописи и в разных списках ПВЛ. В нем говорится о бесчинствах, творившихся «варягами из-за моря» по отношению к славянскому племени словен, балто-славянскому племени кривичей и финским — мери и чуди, и о том, как варяги были изгнаны этими племенами, которые после этого какое-то время жили независимо. В период независимости строились новые поселения, а затем нача-

лись конфликты и междоусобные войны. В результате племена решают снова позвать «варягов из-за моря», чтобы те навели порядок и правила в их земле. Именно после этого Рюрик приходит княжить в Новгород, к словенам, а его братья Синеус и Трувор — соответственно в Белоозеро и Изборск. Но если историчность Рюрика, основателя русской княжеской династии, имеет широкое признание, то двух его братьев, умерших, согласно летописям, через два года после своего прихода, относят, как правило, к легенде⁹¹. Заметим также, что следует отказаться от попыток, недавно возобновленных рядом исследователей, отождествить Рюрика с Рориком Ютландским. Сближение основано на случайном совпадении имен и наличии в биографии Рорика, хорошо представленной в латинских источниках, «пустых» годов, в течение которых он мог якобы отправиться из своего фьефа в Дорестаде в Новгород, основать там русское государство, а затем вернуться в свои владения во Фризии⁹².

Две версии «Легенды» расходятся относительно места первоначального поселения Рюрика. Согласно редакции ПВЛ, сохранившейся в составе Ипатьевской летописи, он на первые два года обосновался в Ладоге — городе, построенном (*срубшиа*) им и его братьями в земле словен, затем переместился к оз. Ильмень и заложил (*срубил*) там у истоков Волхова «новый город» — Новгород⁹³. В Новгородской первой летописи и в другом списке ПВЛ Рюрик сразу приходит в Новгород, и об основании городов не указывается⁹⁴. Попытки текстологически обосновать первичность «ладожской» версии неубедительны, но это не значит, что вторая версия не может быть основана на местной традиции, воспринятой одним из редакторов ПВЛ⁹⁵. Объединяющий все версии рассказ о предшественниках племени, решивших поискать себе заморского князя, безусловно, основан на легенде. Рюрик и его люди, очевидно, пришли по собственной воле и, как и прежние скандинавские искатели приключений, остановились в Ладоге, из которой открывался путь в Восточную Европу. С этой далекой окраины они могли вести переговоры с местными племенами о поселении на их территории. Неудивительно, что этот предварительный этап, противоречащий логике «Легенды», исчез из ее основной версии.

Для нас наибольший интерес представляют общие для обеих версий элементы «Легенды», поскольку именно они могут составлять ее историческую основу: 1) притеснения, которым подвергались местные племена со стороны варягов; 2) изгнание варягов и последовавшие за этим межплеменные войны; 3) основание новой династии (в какой бы форме оно ни происходило)⁹⁶. По логике рассказа, все эти события разворачиваются в течение долгих лет. В Новгородской первой летописи они излагаются без дат и в целом по времени совпадают с основанием Киева. В ПВЛ, напротив, приводится дата — 859 (6367) г., обозначающая начало притеснений, чинимых варягами, а затем, после двух «пустых» годов, сообщается о приходе Рюрика в 862 г. Как показал А.А. Шахматов, версия ПВЛ вторична по отношению к тексту, содержащемуся в Новгородской первой летописи. Стремление построить непрерывное погодное летописное повествование начиная с 852 г., не располагая при этом необходимыми сведениями, приводит составителя ПВЛ к совершенно нелепым результатам; в частности, все события, изложенные в «Легенде», у него помещены в трехлетнем интервале. Некоторые исследователи принимают столь узкие хронологические рамки, стремясь тем самым избежать значительного разрыва между датой изгнания варягов, на которую указывает ладожский пожар, и летописной датой прихода Рюрика. Так, в исследовании В.А. Булкина и Д.А. Мачинского эти события сконцентрированы в интервале 859—862 гг.; по мнению Б.А. Рыбакова, которое разделяют Е.А. Рябинин и Н.Б. Черных, местные племена восстали в 867 г., а Рюрик пришел через год⁹⁷. Однако в подобном анализе внутренняя логика «Легенды» приносится в жертву искусственной хронологии ПВЛ. Мы предлагаем противоположный подход. Единственное хронологическое указание, которое можно извлечь из «Легенды», состоит в том, что между изгнанием варягов (которое следует датировать началом 870-х годов) и вокняжением Рюрика прошло немало лет. Дату же прихода Рюрика следует искать в другом месте.

Есть несколько показателей, существенных для определения промежутка времени между изгнанием и вторым приходом скандинавов. Данный период

соответствует маловыразительному слою 870—890 гг. в Ладоге, за которым следуют типично скандинавский «большой дом» (около 894 г.) и деревянная погребальная камера (около 900 г.) в некрополе Плакун⁹⁸. Кроме того, указанный период соответствует и промежутку между полным разрушением (Рюрикова) Городища (после 867 г.) и началом роста этого поселения в конце 890-х годов. Но прежде всего и наиболее очевидным образом он соответствует «первому кризису серебра в Восточной Европе», который блестяще идентифицировал и изучил Т. Нунан. Описанный исследователем феномен довольно прост. В 860-х годах на севере современной России отмечался рост количества монетных кладов. В первой половине 870-х годов они еще многочисленны повсюду, за исключением района Волхова. Напротив, к последней четверти IX в. можно отнести лишь два клада. Количество кладов вновь возрастает в первом десятилетии X в.⁹⁹

При описании кривой количественного распределения монетных находок по десятилетиям Т. Нунан использует образ американских горок (roller-coaster pattern). На фоне постоянных незначительных колебаний наиболее резкий скачок кривой вниз соответствует последней четверти IX в. При этом его нижняя точка выпадает на одно десятилетие — 880—890 гг., которое характеризуется очень незначительным количеством диргемов в кладах, найденных как в России, так и в Скандинавии. В тот период привычные каналы обращения диргемов были явно перекрыты. Т. Нунан не дает объяснения этому феномену, ограничиваясь лишь упоминанием о возможной деятельности викингов. Однако прекращение транзитных коммерческих потоков через территорию современной России с абсолютной хронологической точностью отражает ситуацию, создавшуюся после разрушения русского каганата. Именно она может прояснить реальную основу договора, заключенного Рюриком с финскими и славянскими племенами. Расстройство торговли лишило скандинавских купцов прибылей (именно надежда вернуть прибыли и привлекла Рюрика в Ладогу), но от него пострадала и племенная верхушка, заинтересованная в импортных товарах. Согласно летописной формуле, Рюрик был призван, чтобы восстановить «порядок» в стране; теперь понятно, что речь идет о коммерческом порядке¹⁰⁰.

Пора признать, что попытки навязать археологическим находкам летописную хронологию заводят только в тупик. Если экономический подъем 860-х годов, на который указывают клады, связан с появлением Рюрика (такое объяснение не без оговорок приводит и Т. Нунан¹⁰¹), то как объяснить разрушение (Рюрикова) Городища (будущего Новгорода), столицы Рюрика, вскоре после 867 г. и последовавшее за этим опустошение? Как объяснить, что в тот самый период, в течение которого, согласно традиционной хронологии, должна была происходить интенсивная экспансия Руси во главе с Рюриком и его преемником Олегом, полностью остановилась торговля, составлявшая экономическую основу, если не смысл существования этого государства? Здесь мы оказываемся в той же парадоксальной ситуации, что и с гипотетическим «каганатом» Аскольда и Дира, якобы бурно процветавшим в середине IX в. в Среднем Поднепровье среди полнейшей экономической и денежной пустыни. Но довольно парадоксов. Летописцы конца XI и начала XII в. не имели в своем распоряжении ни местных (по-скольку «Хроника Аскольда», задуманная Б.А. Рыбаковым и написанная М.Ю.Брайчевским, не была им известна), ни переводных источников, которые позволили бы им правильно определить время правления Рюрика. Тем не менее в обоих вариантах «Легенды о призвании варягов» они сохранили достоверную канву исторических событий, которая в соединении со свидетельствами греческих и латинских источников, а также с археологическими данными дает нам возможность установить реальную хронологию гибели русского каганата в начале 870-х годов и прихода Рюрика четверть века спустя.

Заключение

Древнейшая постройка киевского Подола датируется по дендрохронологии 887 г.; согласно Хронике Регинона, приблизительно в то же время (в 889 г.) произошло и изгнание венгров. Это совпадение не случайно. Изгнание венгров с большей части причерноморских степей, совершенное печенегами, но вдохновенное и

организованное хазарами¹⁰², позволило последним подчинить себе славянские племена, жившие в бассейне Днепра. Именно в то время начинаются попытки возобновить прерванный в течение полувека днепровский торговый путь и разворачивается городское строительство в Киеве, имевшем также, согласно *De administrando imperio* Константина Багрянородного (952), по-видимому, тюркско-хазарское название «Самбатас» (*сам + бат*, «верхняя крепость»)¹⁰³. Изначальный экономический подъем Киева, о котором свидетельствуют обнаруженные постройки и монетные клады первого десятилетия X века, происходил под эгидой хазар.

Около 895 г. Рюрик и его люди высадились в Ладоге. Связаны ли между собой эти два ряда событий: новый приход скандинавов на север современной России и возникновение на территории сегодняшней Украины зоны, платящей дань хазарам? Неизвестно. Однако следует отметить, что почти одновременно с приходом Рюрика в (Рюриково) Городище/Новгород быстро формируется большой скандинавский лагерь в Гнездове в верховьях Днепра. Расположенный на границе хазарской зоны влияния, он впоследствии послужил базой для проникновения в эту зону русов, когда в 910—920 гг. они вступили в конфликт с хазарами.

Не пытаясь реконструировать события первой трети X в. — особенно темного периода в истории Руси, подытожим наши выводы относительно предшествующего столетия. Экспансия скандинавских (русских) поселений на севере современной России, в крайней северной точке торгового пути, контролируемого на юге хазарским каганатом, послужила основой для создания русского каганата. Амбициозный титул, принятый его главой, свидетельствует о глубокой интеграции в Восточной Европе; новая государственная структура появляется незадолго до первого упоминания о ней в конце 830-х годов. Русский каганат контролировал торговлю между Скандинавией и Востоком, и походы на Константинополь и Абаскун свидетельствуют о его военной мощи. В то же время политика русов в отношении местных племен, описанная в «Анонимной записке» («разбойная война» со славянами, захват пленников, продаваемых хазарам и болгарам), напоминает о притеснениях, которые в летописях приписываются варягам. Именно столкновение с сильной волной миграции славян, вынужденных уходить на север под давлением венгров, и послужило, видимо, основной причиной падения каганата, летописного изгнания варягов¹⁰⁴. Археология поселений и монетные находки демонстрируют масштабы разрушений, которыми сопровождалась гибель каганата, а также ее последствия для торговли. При отсутствии силы, способной обеспечить безопасность купцов на северном участке их пути, торговля замерла около 875 г. и возобновилась лишь около 900 г. Период, описанный в летописях как время беспорядка и междоусобных войн, продолжался от разрушения каганата в начале 870-х годов до прихода Рюрика около 895 г.

Четкое выделение двух этапов формирования древнерусского государства и вытекающая отсюда хронологическая схема позволяют устранить очевидное противоречие между летописным рассказом и данными археологии. Новая концепция более чем на 30 лет «омолаживает» династию Рюриковичей и более чем на полвека «задерживает» проникновение руси в Киев. Если эта концепция верна, то начальная история Древней Руси должна быть в корне пересмотрена.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К вопросу об обстоятельствах принятия христианства ханом Борисом

Обстоятельства обращения болгар в христианство известны нам в основном по византийским хроникам. Однако хроники порой настолько расходятся между собой в изложении событий, что трудно найти между ними точки соприкосновения. Для преодоления разногласия источников исследователи составляют из них своеобразную мозаику, используя один-два элемента из каждой хроники. Но этот метод лишь увеличивает путаницу. Наш подход заключается в том, чтобы четко разделить версии различных хроник, избегая при этом спорных или сомнительных построений, и затем предложить набросок нового синтеза.

Согласно хронике Генезия, обращение в христианство болгарского князя было следствием великой победы византийцев над армией Умара, эмира Мелитены, которая по арабским источникам датируется 3 сентября 863 г.: сильно напуганный Борис, народ которого обессилел от голода, утратил воинственное настроение по отношению к империи и крестился, приняв имя Михаила, для чего из Византии к нему были присланы священники¹⁰⁵. Генезий — единственный, кто излагает события в правильной хронологической последовательности.

Продолжатель Феофана, чья хронология абсолютно не совпадает с реальной, связывает крещение Бориса с конфликтом между Византией и Болгарией в конце регентства Феодоры (842—856). Он излагает две параллельные версии этих событий. Согласно первой, хана подтолкнули к крещению наставления пленного византийского монаха Феодора Куфары, а также его собственной сестры (за годы, проведенные в византийском плену, болгарская принцесса стала ревностной христианкой); обряд крещения над ханом совершили греческие священники, присланные в Болгарию. Согласно второй версии, лишь после того как Борис увидел картину страшного суда, нарисованную у его резиденции византийским монахом Мефодием, он, глубоко потрясенный, решил немедленно в ту же ночь креститься; когда весть о его крещении распространилась и вызвала протест среди народа, хан подавил восстание с крестом в руке. Затем последовало обращение в христианство всей страны, сопровождавшееся пожалованием территорий со стороны Византии¹⁰⁶. Напротив, в рассказе Льва Грамматика (и параллельных текстах) говорится о большой военной кампании на море и на суше, развязанной против Болгарии императором Михаилом III и цезарем Вардой за год до победоносной войны с эмиром Мелитены (т. е. в 862 г.). Обессиленные от голода болгары приняли крещение и покорились власти Империи; их глава крестился на месте, причем его крестным отцом стал император Михаил III, болгарская же знать отправилась для принятия крещения в Константинополь¹⁰⁷. Наконец, Симеон Логофет весьма неуклюже вставляет рассказ о навязанном силой крещении в пересказываемую им версию Продолжателя Феофана; он сохранил даже пассаж о пожаловании земель Болгарии, весьма неуместный в новом контексте¹⁰⁸.

Три рассказа о крещении Бориса (четвертый и наиболее поздний — Симеона Логофета, — очевидно, вторичен по отношению к остальным источникам), по сути, сходятся лишь в том, что накануне принятия христианства Болгария была измучена голодом. Но вместо того чтобы собирать мозаику из данных этих рассказов, попытаемся понять логику каждого рассказа в отдельности.

Происхождение рассказа Продолжателя Феофана в основном могут прояснить данные Генезия. Генезий также в очень похожих выражениях описывает столкновение между болгарам и Византией во время регентства Феодоры; однако он не допускает ошибки Продолжателя Феофана, который связал обращение болгар в христианство с этим конфликтом. Это же столкновение описано и у Льва Грамматика и др., где оно упомянуто после известия о смерти патриарха Мефодия и рукоположении его преемника Игнатия летом 847 г. Нет никаких оснований полагать, что анонимным болгарским «архонтом», чье нападение отразила Феодора, был Борис (пришедший к власти лишь в 852 г.)¹⁰⁹. Таким образом, Продолжатель Феофана, с полным пренебрежением к хронологии, спутал два последовательно происшедших военных эпизода с участием болгар, предложив к тому же на выбор читателя два различных рассказа о наставлении хана в веру. Единственное историческое событие, о котором сообщает только он, касается передачи пограничных земель Болгарии, хотя дата и исторический контекст этого события остаются неясными.

Напротив, рассказы Генезия, с одной стороны, и Льва Грамматика и др., с другой, независимы друг от друга и мало согласуются между собой. Тем не менее в работах последнего времени их постоянно смешивают. Так, военное столкновение Византии с Болгарией (описанное у Льва Грамматика) и обращение болгар в христианство помещают сразу после победы византийцев над эмиром Мелитены (следуя правильной хронологическому порядку, указанному Генезием). Начало военных действий относят к осени 863 г., а заключение мирного договора — к концу 863 — началу 864 гг.¹¹⁰. Эта цепь быстро сменяющихся друг

друга военных действий как будто указывает на то, что победа византийцев над Борисом предшествовала его первому заявлению о намерении стать христианином (согласно латинским источникам, это произошло не позднее зимы 863/864 гг. — см. выше), а также на то, что данное его решение было принято под давлением византийцев. Но в таком случае получается бессмыслица. В экспедиции Петроны против эмира Умара были задействованы лучшие силы Империи, но они не вернулись на родину после первой победы. Развивая успех, византийская армия продолжала сражаться с арабами в течение всей осени, и ее победа была затем отпразднована в Константинополе¹¹¹. При таких обстоятельствах трудно было бы открыть второй фронт на западе. У Льва Грамматика и др., в отличие от их нынешних исследователей, экспедиция против Болгарии представлена как наиболее значительная военная кампания года. Как бы то ни было, если эта кампания имела место в 862 г., то до крещения Бориса еще далеко; если же передвинуть ее в 864 г., то в таком случае она не объясняет его решения стать христианином.

Вопрос, однако, заключается в том, имела ли место эта кампания вообще? В самом деле, патриарх Фотий в 867 г. охарактеризовал отказ болгар от идолопоклонства и их переход в истинную веру как события, происшедшие «чудесным образом», «против всякого ожидания»¹¹². Зачем же он скрыл военный успех своего государя, Михаила III, если именно он подтолкнул Бориса к крещению? Никита Пафлагон, принадлежащий к следующему поколению, упоминает о голоде в Болгарии и сообщает, что болгары отложили оружие и приняли христианскую веру благодаря подаркам императора Михаила¹¹³. Это сообщение напоминает слова Продолжателя Феофана относительно передачи земель, склопившей болгар к принятию христианства. Генезий, как мы помним, приводит другое объяснение, но описывает аналогичную ситуацию: из-за голода, терзающего его страну, правитель болгар угрожает Империи, но угроза эта исчезает после крещения. У Льва Грамматика и др., напротив, сама Византия грозит вторгнуться в Болгарию. И различия между двумя рассказами на этом не заканчиваются. Согласно Льву Грамматику, Борис крестился во время военной кампании, а Михаил III был его крестным отцом (никто из современных историков не решается поддержать эту версию), болгарская же знать отправилась принимать крещение в Константинополь (на самом деле болгарская знать восстает против Бориса на фоне отказа принимать христианство; в современных исследованиях крещение болгарской знати странным образом трансформируется в крещение неизвестных источников «послов» Бориса в Константинополе). Напомним, что, согласно Генезию, Бориса крестили греческие священники, присланные в Болгарию.

Таким образом, центральные элементы в рассказе Льва Грамматика и др., которые могут быть проверены, оказываются ложными, а хронология неверной. Его версия принятия христианства болгарями представляет собой, однако, связную, хотя и очень тенденциозную концепцию: византийская военная экспедиция (о которой сообщается только в этом источнике) приводит к тому, что Болгария становится политически зависимой от Византии (чего не подтверждают ни другие источники, ни политические события того времени), а последовавшее за этим крещение Болгарии (творчески переосмысленное свидетельство о признании ею этой зависимости). Однако такого рода осмысление «парадоксального» крещения Бориса противоречит всему, что известно из других источников о политическом контексте рассматриваемого события.

¹ Статья опубликована на французском: *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* / Éd. M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman (*Réalités byzantines* 7). — Paris, 2000. — P. 95—120.

² Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Избр. труды. Записки / Изд. А.А. Левандовский, Н.Н. Цимбаев. — М., 1983. — 325 с.

³ Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des études byzantines*. — 1995. — 53. — P. 237—270; см. с. 259—266 (частичный русский перевод: Славяне и их соседи. — М., 1996. — С. 68—80).

⁴ *Annales de Saint-Bertin* / Éd. F. Grat. J. Vieillard. S. Clément, L. Levillain. — Paris, 1964. — P. 30—31 (839 год); см. Shepard J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore?

// *Early Medieval Europe*. — 1995. — 4. — P. 41—60, и о хронологии посольства: *Zuckerman K.* (см. ниже, прим. 71). — P. 53—55.

⁵ *Izd. W. Henze // Monumenta Germaniae Historica, Epistolae VII (Epistolae Karolini aevi V)*. — Berlin, 1928. — P. 385—394; см. с. 388; *изд. U. Westerbergh. Chronicon Salernitanum*. — Stockholm, 1956. — P. 111; *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. I*. — Berlin, 1924. — Т. 59, № 487, резюмирует письмо Василия I на основе ответа Людовика II. Согласно *Taviani-Corozzi H. (La principauté lombarde de Saleme (IX—XI siècles)*. — Rome, 1991. — 227), ответ был написан до восстания жителей Беневенто против Людовика II в августе 871 г.

⁶ *Lewicki T. Les rites funéraires païens des Slaves occidentaux et des anciens Russes d'après les relations — remontant surtout aux IX—X siècles — des voyageurs et des écrivains arabes // Folia Orientalia*. — 1963, 5, 1—74, см. с. 2—9.

⁷ *Ibn Rusta (Rusteh) // Les atours précieux*: пер. G. Wiet. — Le Caire, 1955, 163.

⁸ *Al-Yakubi // Historiae*, изд. M. Th. Houtsma. — Leyde, 1883, II, 598; пер.: *// J. Laurent et M. Canard // L'Arménie entre Byzance et l'islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886*. — Lisbonne, 1980, 490.

⁹ *Ibn Isfandiyar. Ta'rikh-i Tabaristan / Изд. A. Ikbal (Eghbal)*. — Teheran, 1941, 266; пер.: *С.М. Алиев. О датировке набега руссов, упомянутых Ибн Исфандияром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. II / Изд. А.С. Тверитинова*. — М., 1969, 316—321, см. с. 317—318. Из нашего дальнейшего анализа вытекает, что этот поход имел место не позднее начала 870-х годов.

¹⁰ *Иларион. Слово о законе и благодати / Изд. А.М. Молдован*. — Киев, 1984, см. указатель на с. 215.

¹¹ *См. Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской. I*. — Киев, 1966. — С. 49—52, № 13.

¹² *Слово о полку Игореве*: изд. Д.С. Лихачев, под ред. В.П. Адриановой-Перец. — М.; Л., 1950. — С. 30.

¹³ *Львов А.С. Лексика «Повести временных лет»*. — М., 1975. — С. 198—200.

¹⁴ *Добродомов И.Г. Западная и восточная титулатура в древнерусской письменности // Древняя Русь и Запад*. — М., 1996. — С. 44—45.

¹⁵ *Constantinus Porphyrogenitus // De cerimoniis*, II, 48, изд. J.J. Reiske. — Bonn, 1829. P. 690—691.

¹⁶ *Golden P.B. The Question of the Rus' Qaganate*. — *AEMA* 2, 1982, 77—99, см. с. 87, стр. 97.

¹⁷ *Golden* (см. прим. 16). Гипотезе Голдена о местонахождении русского каганата противоречит крайне незначительное количество скандинаво-русских древностей IX в. бассейне Оки. Концепцию вассального каганата принимает М. Богачек (Гольдельман): О днархии в Древней Руси (IX—X вв.) // *Jews and Slavs. 3*. — Иерусалим, 1995, 69—87, который, однако, помешает русский каганат на восточном побережье Черного моря, в Тмутаракани; однако идея о каком бы то ни было русском поселении на Черном море в IX в. совершенно устарела, и, как устно сообщил мне автор, в настоящее время он и сам уже не настаивает на этой гипотезе.

¹⁸ *Pritsak O. The Origins of Rus*. — Cambridge Mass., 1981, 28, 171—173, стр. с. 582—583.

¹⁹ *А.З.В. Тоган* установил связь между хазарской династией и тюркским кланом Ашина на основе интерпретации отрывка из «Hudud al-alam», которая, как решительно заявил знаток этого текста В. Минорский (Addenda to the Hudud al-Alam // *Bull. of the School of Oriental and African Studies*. — 1955. — 17. — P. 250—270, см. с. 260—261), не выдерживает филологической критики. Наличие родственных связей между хазарами и Ашина вслед за другими отверг и А.П. Новосельцев: Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990. — С. 55, 61, 134—135. В переводе данного отрывка, опубликованном в одной из недавних работ (Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. — М., 1993. — С. 211—233, см. с. 223) *П.Б. Гольден* сопроводил ссылку на Ашина двумя вопросительными знаками и не стал уже использовать ее при анализе вопроса о власти каганов.

²⁰ *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // *История СССР*. — 1982. — Вып. 4. — С. 150—159. Наш обзор следует дополнить работой: *Arrignon J.-P. Remarques sur le titre de kagan attribué aux princes russes d'après les sources occidentales et russes des IX—XI s. // Zbornik radova Vizantoloskog instituta*. — 1984. — 23. — P. 63—71, в которой полностью отвергается идея русского каганата и утверждается, что каганом Бертинских Аиналов был не кто иной, как сам хазарский правитель; этот подход, имевший сторонников в XIX в. — см.: *Васильевский В.Г.*, прим. 21 (ниже), CXVII, — может выдвигаться лишь в случае игнорирования «Анонимной записки».

²¹ *Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования: Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Перенечатано в его же: Труды*, III. — СПб., 1915. Необходимо подчеркнуть, что, по мнению В.Г. Васильевского, наиважнейшее, описанное в житии св. Стефана, имело место в первой половине X в. (там же, CCLXXIV). Он никогда не утверждал, как

делают некоторые современные исследователи, ссылаясь на его авторитет, что это событие в действительности произошло около 800 г.

²² *Vasiliev A.A.* The Russian Attack on Constantinople in 860. — Cambridge Mass., 1946. — P. 81—83.

²³ *Васильевский В.Г.* (см. прим. 21), LXXXVIII—CVIII.

²⁴ См. *Markopoulos A.* La Vie de Saint Georges d'Amastris et Photius // *Jahrbuch Österreichischer Byzantinistik (JOB)*. — 1979. — № 28. — P. 75—82, который считает, что вставка была сделана «в стиле Фотия» (там же библиография).

²⁵ *Sevcenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // *Iconoclasm* / изд. A. Bryer и J. Herrin. — Birmingham, 1977. — P. 113—131, см. с. 122—124 (перепечатано: *Ezo же. Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World*. — London, 1982. — № 5, с дополнением, опровергающим доводы A. Markopoulos); ср. *Efthymiadis St.* On the Hagiographical Work of Ignatius the Deacon // *JOB*. — 1991. — № 41. — P. 73—83; *Markis G.* Ignatios Diakonos und die Vita des hi. Gregorios Dekapolites. — Stuttgart; Leipzig, 1997. — 20; *Mango C.* The Correspondence of Ignatios the Deacon (CFHB 39). — Washington, 1997, 17—18; *Efthymiadis St.* The Life of the Patriarch Tarasios by Ignatios the Deacon (BUG 1698). — Aldershot, 1998, 47.

²⁶ *Treadgold W.* Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus' // *Proc. of the Int. Congr. Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine (Harvard Ukrainian Studies 12/13, 1988/1989)* / Eds. O. Pritsak, I. Sevcenko. — Cambridge Mass., 1990, 132—144, датирует нападение руси 818—819 гг., не приводя убедительных аргументов. *C. Mango* (1997) и *St. Efthymiadis* (1998) (прим. 25) считают 830 г. *terminus ante quem* для написания жития, объясняя это следующим образом. Житие св. Георгия Амастридского — первое агиографическое сочинение его автора, который указал, что его подтолкнули к написанию жития, хотя он еще не набрался опыта и не опубликовал ничего такого, что давало бы ему право взяться за выполнение столь ответственного задания, изд. Васильевский В.Г., с. 2, стр. 1—3 (§ 1). Однако в житии патриарха Никифора, большом сочинении Игнатия, созданном после возобновления иконопочитания, возможно, содержится намек на то, что первые наброски к нему были сделаны вскоре после смерти Никифора (828) — согласно Манго (там же, 10), около 830 г.; в таком случае, последняя дата оказывается *terminus ante quem* для написания жития св. Георгия. Но эти рассуждения недоказательны. У нас нет уверенности даже в самом существовании некоего «first draft» жития Никифора, не говоря уже о его датировке. И даже если Игнатий тайком делал какие-то записки, намереваясь в будущем прославить Никифора как борца с иконоборчеством, вряд ли о них могло быть известно тем, кто заказал ему житие св. Георгия, где об иконоборчестве нет и речи. Важно то, что до жития св. Георгия он не написал и не опубликовал ни одного агиографического произведения.

²⁷ Изд. *Васильевский В.Г.*, с. 64, §43.

²⁸ *Cumont F.* *Anecdota Bruxellensia I: Chroniques byzantines du manuscrit 11376 (Recueil des travaux publiés par la Faculté de Philosophie et Lettres 9)*. — Gand, 1894, 33.

²⁹ *Wortley J.* The Date of Photius' Fourth Homily // *Byzantinoslavica*. — 1970. — 31. — P. 50—53. Дата ухода русских, вытекающая из рассуждений Вортли, — конец июля — кажется предпочтительнее по сравнению с 25 июня, подержанным, в частности, Г.Г. Литавриным: Византия и Русь в IX—X вв. // *История Византии. II*. — М., 1967 — С. 226—236, с. 229 (библиография на с. 444), который отмечает в синаксариях прекращение осады Константинополя арабами, см. Васильев (прим. 22), 206—210. Васильев придерживается гипотезы, согласно которой русское нашествие продлилось почти год — с 18 июня 860 г. по 5 июня 861 г., но эта идея в настоящее время уже не имеет сторонников.

³⁰ Согласно житию патриарха Игнатия, написанному Никитой Пафлагоном, патриарх, живший в изгнании на острове Теребинтос, едва не стал жертвой бесчинств, устроенных русью (*Patrologia Graeca*, 105, 516—517).

³¹ *Photius* // *Hom. IV, III*, изд. В. Laourdas. — Thessaloru'que, 1959. — P. 43—44; пер. *Mango C.* The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople. — Cambridge Mass., 1958, 100—101 и прим. 24.

³² *Photius* // *Hom. III, 1—2*, изд. Laourdas, 29, 1. 2 и 34, 1. 6—7; пер. Mango, 82 и 88.

³³ См., например: Маврикий, Стратегикон, XI, 1—2, изд. G.T. Dennis (*Corpus Fontium Historiae Byzantinae* 17). — Вена, 1981. — 360 с.

³⁴ *Photius*, *Not. III, 3*, изд. Laourdas, 35, 1. 30; пер. Mango, 91.

³⁵ *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. — М., 1980. — 81 с. Автор дает обширный библиографический обзор первых упоминаний о руси в источниках.

³⁶ *Lohannus Euchaitorum metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt*, / изд. P. de Lagarde, *Abhandlungen der hist.-phil. Classe der kgl. Gessellschaft der Wissenschaften zu Göttingen* 28, 1881, 208. Пренебрежительное отношение к пехотинцам возникло в VI в.; рассуждения по этому поводу содержатся в работе: *Menas patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus* / изд. С.М. Mazzucchi. — Milano, 1982, ср. *C. Zuckerman.* Le roi au cheval blanc. La première réaction byzantine à l'expansion franque // *La noblesse romaine et les chefs barbares du III au VII siècle* / изд. F. Valler и M. Kazanski. — Paris, 1995. — P. 55—56.

³⁷ *Theophanes Continuatus* / Изд. I. Bekker. — Bonn, 1838, 196.

³⁸ *Georgius Monachus Continuatus* / изд. I. Bekker. — Bonn, 1838. — P. 826—827; *Léon Grammaticus* / изд. I. Bekker. — Bonn, 1842. — P. 240—241; *Theodose de Melitene* / изд. Th. Tafel. — Munich, 1859. — P. 168; ср. *Symeon Logothetes* / изд. I. Bekker. — Bonn, 1838. — P. 674—675.

³⁹ Составление «Хроники» датируется серединой XI в.; C. de Boor. *Der Angriff der Rhos auf Byzanz // BZ.* — 1895. — 4. — S. 445—466, см. 464—465, и П. Шрайнер. *Miscellanea byzantino-russica // BB.* — 1991. — 52. — S. 151—160, см. с. 152, напротив, считают, что рассматриваемое сообщение восходит ко времени царствования Михаила III, с чем мы не можем согласиться.

⁴⁰ De Boor (см. прим. 39), 462—464; Mango (см. прим. 31), 76—80 (цит. фразу см. в прим. 23). Оба автора признают, что молчание Фотия исключает гипотезу о том, что возвращение Михаила III или буря произошли до снятия осады.

⁴¹ *Nicolai I. Papae epistolae* / изд. E. Perels // *Monumenta Germaniae Historica, Epistolae VI.* (Karolini aevi IV). — Berlin, 1925. — S. 479—480, ср. с. 454, прим. 2. Сначала папа описывает унижения, которые Империи пришлось перенести со стороны арабов (*certe non Cretam invasimus, non Siciliam exterminavimus, non innumeris Graecis subiectas provincias obtinuimus*), затем переходит к более недавнему событию: *postremo non ecclesias sanctorum interfectis numeros hominibus ac suburbana Constantinopoleos, quae et muris eius contigua sunt, incendimus*. Это описание очень точно соответствует рассказу о нападении руси у Фотия. Попытка Де Боора (см. прим. 39), 460—461, приписать эту атаку арабам (которые не приближались к стенам Константинополя с начала VIII в. и, в отличие от руси в 860 г., не проявляли особой жестокости по отношению к церквям) продиктована исключительно желанием защитить версию хроник о том, что византийское войско все-таки нанесло поражение руси; против см. Васильев (прим. 22), 61—62, который показал, между прочим (с. 52—54), что словом *ragani* у Николая I и в других текстах той эпохи обычно обозначаются норманны.

⁴² *Johannes Diaconus // Chronicon* / изд. Monticolo, Cronache veneziane antichissime, I (Fonti per la storia d'Italia 9). — Rome, 1890, 57—171, см. с. 116—117. Васильев (прим. 22), 42—63, связывает сообщения папы Николая I и «Хроники» Иоанна Диякона не с атакой 860 г., а с гипотетическим походом викингов, пришедших через Средиземное море в 861 г.; однако, как отмечает Mango (прим. 31), 78, прим. 17, «the occurrence of a second raid is (...) entirely undocumented».

⁴³ *Photius / Ep.* 2 // *Epistulae et Amphilochia* / изд. В. Laourdas и L.G. Westerink. I. — Leipzig, 1983, 50.

⁴⁴ *Theophanes Continuatus* / изд. Bekker, 196.

⁴⁵ *Theophanes Continuatus* / изд. Bekker, 342—343.

⁴⁶ Один из сторонников этого тезиса — А. Авенариус: *Христианство на Руси в IX в. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert* / изд. V. Vavrinek. — Prague, 1978. — P. 301—315.

⁴⁷ Ср. Литаврин Г.Г. *Ведение христианства в Болгарии (IX — начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси.* — М., 1988, 30—67, см. с. 55.

⁴⁸ См. Латышев В.В. *Жития св. епископов Херсонских // Записки Импер. Академии Наук по истор.-филол. отд., VIII, 3.* — СПб., 1906. — С. 61—62. Факт заимствования Константином Багрянородным сюжета из этого источника до сих пор не отмечался.

⁴⁹ Изд. P. Schreiner. *Die byzantinischen Kleinchroniken. II* (CFHB 12/2). — Vienne, 1977, 605, № 2 (по: *Parisinus gr.* 2303); он же (прим. 39), 155—156, предполагает хронологическую контаминацию с данными русских хроник; ср.: *Havlikova L. A propos de la christianisation de la Russie au IX siècle // Byzantinoslavica.* — 1993. — 54. — P. 102—107.

⁵⁰ Dölger (прим. 5) 60, № 493, датирует отправку архиепископа 874 г. (с вопросительным знаком); этой же даты придерживается D. Obolensky: *Byzance et la Russie de Kiev // Messenger de l'Exarchat du Patriarche Russe en Europe Occidentale.* — 1959. — 29. — P. 20—35 (перепечатано в *ego же: Byzantium and the Slavs: Collected Studies.* — London, 1971. — № 4), с. 25, который, в отличие от Dölger, принимает концепцию обращения в христианство в два этапа. Ни один, ни другой исследователь не аргументирует предлагаемую дату.

⁵¹ *Florja B.N., Litavrin G.G. Christianisation of the Nations of Central and South-East Europe and the Conversion of Old Rus // Byzantinoslavica.* — 1988. — 49. — P. 18—199, см. с. 186, отмечают в этой связи «formal and diplomatic act making it easier to obtain advantageous agreements with the ruler of the Christian state» (в данном случае, с византийским императором).

⁵² *Nicolai I Papae epistolae* / Изд. Perels, 293; ср. *Annales de Saint-Berlin*, изд. Grat и др., 113.

⁵³ Об этой, наиболее отдаленной от современной России, предположительной локализации, см.: Александров А.А. *Остров руссов.* — СПб.; Кишинев: Стратум + ПАВ, 1997. — P. 222—224.

⁵⁴ *Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750—1200.* — Londres; New York, 1996. — P. 27—50 (интересующие нас главы, в которых представлен новый взгляд на древнейшую русскую историю, написаны Шепардом).

⁵⁵ В последнее время в поддержку этой теории высказались: *Arrignon J.-P. Les Eglises slaves des origines au XV siècle.* — Paris, 1991, 85 (крещенные при Фотии русские были частью «варяго-славянского племени, которых византийцы поселили вдоль восточного берега Херсонеса»); *Senyk S. A History of the Church in Ukraine I.* — Rome, 1993. — P. 19—26 (русские, нападавшие на Константинополь и затем принявшие крещение, проживали в Крыму); ср. Богачек (прим. 17).

⁵⁶ Так, в работе *Tinenfeld F. Der furchtbare Blitzschlag aus dem fernsten Norden. Der Angriff der Rhos auf Konstantinopel im Jahr 860 // Les Pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) /* изд. R. Zeitler. — Uppsala, 1981, 243—250, см. с. 245.

⁵⁷ *Schramm G. Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas. Zur historischen Einordnung der Kiever Rus' // Staat und Gesellschaft in Mittelalter und Früher Neuzeit. Gedenkschrift für J. Leuschner.* — Göttingen, 1983. — P. 15—39, см. с. 30—32; ср.: *Dvoraik F. Byzantine Missions among the Slavs.* — New Brunswick, 1970, 266—267; и др.

⁵⁸ *Vernadsky G. Ancient Russia (A History of Russia, I).* — New Haven, 1943, переизд. 1959, 106—108, 275—278. Эта концепция появлялась в русской историографии еще в XIX в., а в настоящее время самым известным ее сторонником является Б.А. Рыбаков; резкой критике ее подверг А.П. Новосельцев: «Мир истории» или мнф истории? // *Вопр. истории.* — 1993. — Вып. 1. — С. 23—31.

⁵⁹ *Насонов А.Н.* («Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. — М., 1951. — С. 44—45) сделал вывод о том, что «Русская земля» сформировалась в середине IX в. «в условиях ослабления хазарского ига»; авторы работ последнего времени склонны датировать ее появление концом VIII — началом IX в., ср.: *Головки А.Б.* Христианизация восточнославянского общества и внешняя политика Древней Руси в IX — первой трети XIII века // *Вопр. истории.* — 1988. — Вып. 9. — С. 59—71; см. с. 59—60 и прим. 3. Понятие «Русская земля» фигурирует в летописях, написанных в конце XI в. и позже, см. работу: *Кучкин В.А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // *ДГ* 1992—1993. — 1995. — С. 74—100; попытки придать этому понятию точное географическое и политическое содержание до конца X в. — чисто спекулятивные.

⁶⁰ *Артамонов М.И.* История Хазар. — Л., 1962. — С. 290—293; *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги // *Славяне и скандинавы.* — М., 1986. — С. 189—297, см. с. 202.

⁶¹ См. *Thulin A. The Southern Origin of the Name Rus'. Some Remarks // Les Pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) /* изд. R. Zeitler. — Uppsala, 1981, 175—183; ср.: *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX—X вв.) // *Вопр. истории.* — 1989. — Вып. 8. — С. 24—38, особенно с. 33—35.

⁶² *Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // *Славяноведение.* — 1992. — Вып. 2. — С. 54—59, см. с. 55. Название статьи отсылает к теории Б.А. Рыбакова, который на основании данных поздней — Никоновской — летописи утверждал, что русских походов на Константинополь было три — в 860, 866 и 874 гг. О.В. Творогов показал, что составитель Никоновской летописи ошибочно вставил в текст несколько рассказов об одном и том же событии, заимствованных из разных источников.

⁶³ *Патриаршая, или Никоновская, летопись /* изд. А. Бычков, переизд. — М., 1965. — I (Полн. собр. рус. летописей), 9.

⁶⁴ Эта версия представлена в Русском хронографе 1512 г., Никоновской летописи (изд. Бычков, 13) и других источниках того времени, ср.: *Кучкин В.А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Трнзны // *ДГ* 1995 [1997]. — С. 166—233, см. с. 175; *Havlikova* (прим. 49), 104.

⁶⁵ *Брайчевский М.Ю.* Неизвестное письмо патриарха Фотия киевскому кагану Аскольду и митрополиту Михаилу Сирию // *ВВ.* — 1986. — 47. — С. 31—38 (ни один из цитированных автором текстов, где упоминается Фотий, не написан ранее конца XV в.); *Ego же.* Летопись Аскольда: відроджена пам'ятка дев'ятого століття. — К., 1988. — Вып. 2. — С. 146—170. Теория сговора летописцев использовалась и ранее. Так, *K. Ericsson. The Early Conversion of the Rus' to Christianity // Slavonic and East European Review.* — 1966. — 44. — P. 88—121, привлекает ее для объяснения молчания летописцев по поводу первого принятия христианства русью, инспирированного, согласно автору, Византией в эпоху иконоборчества.

⁶⁶ *Callmer J. The Archaeology of Kiev to the End of the Earliest Urban Phase // Harvard Ukrainian Studies.* — 1987. — 11. — P. 323—364, особенно с. 325—331 (цитированная фраза на с. 327).

⁶⁷ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956. — С. 105—106.

⁶⁸ Кропоткин В.В. О топографии кладов хуфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 111—117 (не вдаваясь в разбор полемиических реплик автора в адрес В.Л. Янина, заметим, что они не всегда подтверждаются приведенным им материалом).

⁶⁹ Noonan Th. The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period // Harvard Ukrainian Studies. — 1987. — 11. — P. 384—443, см. с. 396.

⁷⁰ Кирпичников, Дубов, Лебедев (прим. 60), с. 285, отмечают «хазарскую блокаду».

⁷¹ Zuckerman C. Les Hongrois au pays de Lebedia: une nouvelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ça 836—889 // Byzantium at War (9th—12th c.). — Athens, 1997. — P. 51—74, см. с. 65—66 (русский перевод, с приложением, в сб. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1998. — Вып. 6. — С. 663—688).

⁷² См. Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли / изд. Г.С. Лебедев. — Л., 1984. — С. 5—25; ср.: Его же. О роли финноязычного населения бассейнов Волхов и Великой в сложении этносоциума «Русь» (VIII—XI вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. — Л., 1990. — С. 110—120 (перечень географических пунктов, относимых к русскому каганату, см. на с. 111).

⁷³ См. обзор: Новосельцев А.П. и др. // Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965. — С. 397—408.

⁷⁴ Повесть временных лет / изд. Д. Лихачев. — М., 1950. I, 18; ср. Sorlin I. Les premières années byzantines du Récit des Temps Passés // Revue des études slaves. — 1991. — 63. — P. 9—18.

⁷⁵ Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. — 1980. — Вып. 160. — С. 34—37, см. с. 27; по мнению авторов, Ладога была преимущественно славянским городом.

⁷⁶ Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. — 1988. — № 1. — С. 72—100, см. с. 90—91, ср. Рыбаков Б.А. «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1993. — С. 304—306, автор своеобразно (см. выше, прим. 62) комбинировает данные ПВЛ и Никоновской летописи.

⁷⁷ Черных Н.Б. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. — Л., 1985. — С. 117—122, см. с. 121—122.

⁷⁸ Кузьмин С.Л. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии (Памяти В.Д. Белецкого). I. — СПб.; Псков, 1997. — С. 343—358, см. с. 349—350.

⁷⁹ Мачинский Д.А. Этпосоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. — Л., 1986. — С. 3—29, см. с. 27.

⁸⁰ Shepard // Franklin and Shepard (прим. 54), с. 56—59. В качестве примера подобных конфликтов Шепард приводит захват Киева и убийство Олегом Аскольда и Дира; однако эта война на Днепре не могла, разумеется, спровоцировать разрушений на севере. Каганат, в представлении Шепарда, продолжал существовать и после переноса столицы в Киев, по крайней мере, до первой половины X в. (см. с. 68, 121, 133).

⁸¹ Кирпичников А.Н., Носов Е.Н. Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволховья. — СПб., 1997. — С. 5—25, см. с. 10—11.

⁸² Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984—1991 г. // Древности Поволховья (прим. 81), с. 63—82, см. с. 66—67.

⁸³ См. Н.Б. Черных (прим. 77); С.Л. Кузьмин (прим. 78) на с. 345 приводит сравнительную таблицу стратиграфических схем, предложенных исследователями. А.Н. Кирпичников и В.А. Назаренко (прим. 82), с. 65, датируют этот же слой второй половиной IX в., точнее, 855—890 гг., вследствие чего он оказывается «разрезанным» пожаром. Если археологическое обоснование этой периодизации не очевидно, то ее историческая логика ясна. А.Н. Кирпичников отождествляет князя Рюрика с Рориком Ютландским (см. ниже, прим. 92), который, по мнению сторонников этой гипотезы, прибыл в Ладогу в 855 или 856 г. (ср. Вернадский [прим. 58], с. 339). А.Н. Кирпичников (прим. 82), с. 11, также стремится связать появление парцелл с деятельностью Рюрка, которая, по мнению большинства исследователей, развернулась после пожара. Создавая «гибридный» слой, А.Н. Кирпичников связывает Рюрка Рорика с парцеллами.

⁸⁴ О «большом доме», построенном с использованнем частей ладьи, см. Рябинин и Черных (прим. 76), с. 91—93. Историю градостроительства в Ладоге легко можно проследить благодаря плану построек горизонт за горизонтом, опубликованным Кузьминым (прим. 78), см. с. 350—352.

⁸⁵ См.: Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) Городище. — Л., 1990. — С. 53 (дендродаты), 91—93, 98—100 (монетные находки), 147 (датировки, полученные с помощью углеродного анализа), 149 (появление гончарной керамики); Горюнова В.М. Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволжья (прим. 81), с. 153—175, см. с. 168—169, 174.

⁸⁶ Последние результаты исследований изложены в работе: Богуславский О.И., Щеглова О.А. Новые исследования комплекса памятников у д. Городище // Ладога и Северная Европа // Вторые чтения памяти Анны Мачинской. — СПб., 1996. — С. 57—61; ср.: Мачинский Д.А., Панкратова М.В. Саги о древних временах, ладожская эпическая традиция и локализация Алаборга; там же. — С. 47—57.

⁸⁷ См. Носов Е.Н., Пловых А.В. Холопий Городок на Волге // Древности Поволжья (прим. 81). — С. 129—152.

⁸⁸ Кузьмин С.Л., Тарасов И.И. Раскопки поселения Новые Дубовики в 1998 г. // Ладога и эпоха викингов // Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. — СПб., 1998. — С. 55—58.

⁸⁹ См. Петренко В.П., Шитова Т.Е. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога (прим. 77). — С. 181—191.

⁹⁰ Белецкий С.В. Начало Пскова. — СПб., 1996. — С. 32—33, 57.

⁹¹ Впрочем, историчность братьев Рюрика защищает G. Schramm. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. — 1980. — 28. — P. 321—333.

⁹² Идею о тождественности Рюрика и Рорика, впервые высказанную в XIX в., воскресил Б.А. Рыбаков и поддержал, среди прочих, А.Н. Кирпичников: Сказание о призвании варягов. Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. — СПб., 1997. — С. 7—18 (с библиографией вопроса); недавно эту идею еще раз отвергли: Nazarenko A. Rjurik, и Riis Th. Rogik // Lexikon des Mittelalters. VII. — München, 1995. — S. 880, 1026.

⁹³ Ипатьевская летопись / Изд. А.А. Шахматов. — СПб., 1908 (Полн. собр. рус. летописей 2), переизд. с предисловием Б.М. Клосса. — М., 1998, 14.

⁹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. А.Н. Насонов. — М.; Л., 1950, 106; Повесть временных лет / изд. Д. Лихачев, 18 (с комментариями ad loc.).

⁹⁵ См. комментарий Д. Лихачева. Повесть временных лет. II. — С. 244—245 (по А.А. Шахматову). Сторонником «ладожской» версии является L. Muller: Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag / Изд. P. Brang. — Heidelberg, 1967. — S. 173—186, см. с. 179—182; ср. Грунев Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. — М., 1989. — С. 31—43.

⁹⁶ Этот подход, опирающийся на труды А.А. Шахматова, развивает Е.Н. Носов в работе «Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь» // Древности славян и финно-угров / Изд. А.Н. Кирпичников и Е.А. Рябинин. — СПб., 1992. — С. 100—105.

⁹⁷ Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII— начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). — Сыктывкар, 1986. — С. 13—25, см. с. 19: по мнению авторов, датировка пожара — «блестящее подтверждение» летописной хронологии. Относительно взглядов Е.А. Рябинина и Н.Б. Черных см. выше, прим. 76.

⁹⁸ Некрополь в урочище Плакуи близ Ладоги, где, как часто предполагают, захоронены дружинники Рюрика, состоит из 20 курганов, из которых 15 раскопаны археологами, см.: Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога (прим. 77), с. 156—169. Деревянная погребальная камера дает дендродаты от 880 до 900 г. Тем не менее Дубов, Кирпичников, Лебедев (прим. 60), с. 194, датируют это захоронение «около 880 г.», из очевидного стремления приблизиться к традиционной дате прихода Рюрика.

⁹⁹ Noonan Th.S. The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic. — P. 875—900 // Hikuin. — 1985. — 11. — P. 41—50; Его же. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies. — 1992. — 16. — P. 237—259; ср. Brather S. Frühmittelalterliche Dirham-Schatzrunde in Europa. Probleme ihrer wirtschaftsgeschichtlichen Interpretation aus archäologischer Perspektive // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. — 23/34. — 1995/1996 [1997]. — P. 73—153.

¹⁰⁰ Причины кризиса по-прежнему ищут за пределами русских земель, не задумываясь о внутренней ситуации. См. по этому поводу: Мачинский, 1984 (прим. 72), с. 19, и Носов (прим. 96), с. 103, который, впрочем, справедливо отвергает выдвигаемую некоторыми исследователями идею о том, что Рюрика призвала «конфедерация» славянских и финских племен.

¹⁰¹ Noonan, 1992 (прим. 99). — С. 250.

¹⁰² См. Zuckerman (прим. 71). — С. 61—62.

¹⁰³ См. Sorlin J. Voies commerciales, villes et peuplement de la Rôsia au Xe siècle d'après le De administrando imperio de Constantin Porphyrogénète // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. M. Kazanski, A. Necessian, C. Zuckennan (Réalités byzantines 7). — Paris, 2000. — S. 337—355, см. с. 352—353.

¹⁰⁴ Идею о столкновении двух миграционных волн, скандинавской и славянской, на севере современной России выдвинул М.И. Артамонов: Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. — 1990. — 3. — С. 271—290, ср. Горский А.А. К вопросу о роли норманнов в складывании Киевской Руси (по поводу книги К. Хеллера «Норманны в Восточной Европе») // Russia Mediaevalis. — 1997. — 9. — С. 129—135, особенно с. 133 (с библиографией).

¹⁰⁵ *Genios* / изд. A. Lesmueller-Werner и I. Thura (CFHB 14). — Berlin; New York, 1978. — С. 69.

¹⁰⁶ *Theophanes Continuatus* / изд. Bekker. — P. 162—163.

¹⁰⁷ *Léon Grammaticus* / изд. I. Bekker. — С. 238; *Georgius Monachus Continuatus* / Изд. Bekker. — С. 824; *Theodose de Melitene* / Изд. Tafel. — С. 166—167 (у всех трех представлен один и тот же рассказ).

¹⁰⁸ *Symeon Magister* / изд. Bekker. — С. 664—666.

¹⁰⁹ *Genesios* / Изд. A. Lesmueller-Werner и I. Thurn. — С. 61; *Georgius Monachus Continuatus* / Изд. Bekker. — P. 821 и *Leon Grammaticus* / Изд. I. Bekker. — P. 235.

¹¹⁰ См., в частности, *Cankova-Petkova G.* Contribution au sujet de la conversion des Bulgares au christianisme // *Byzantinobulgarica*. — 1973. — 4. — S. 21—39, 29.

¹¹¹ Боевые действия продолжались, по крайней мере, до конца октября, см.: *Vasiliev A.* Byzance et les Arabes (фр. изд. подготовили Н. Grégoire, М. Canard, С. Nallino, Е. Honigmann, Сl. Backvis). — Bruxelles, 1935. — P. 249—256.

¹¹² *Photius* // Ep. 2, изд. Laourdas-Westerink, I, 41, 1. 51.

¹¹³ *Nicetas Paphlagon* // *Vie du patriarche Ignace*. — *Patrologia Graeca*. — P. 105, 525.

Одержано 23.07.2002

К. Цукерман

ДВА ЕТАПИ ФОРМУВАННЯ ДАВНЬОРУСЬКОЇ ДЕРЖАВИ

Традиційні хронологічні межі початкового періоду руської історії роздуті, але разом з тим надзвичайно вузькі. До виникнення Русі Київської руська державність пережила два етапи формування. Перший етап — це 30—70-ті роки IX ст., другий припадає на час від приходу на Русь Рюрика у 895 р. до початку X ст. На той час її політичний центр нереміщується в Середнє Подніпров'я. На першому етапі своєї державності це об'єднання мало назву «Руський каганат» і знаходилося в басейні Волхова. Столицею цього утворення була Ладога. На початку 70-х років IX ст. унаслідок невідомої міжплемінної війни каганат було зруйновано. На зміну каганату прийшло нове об'єднання на чолі з Рюриком, центром якого, як можна вважати, був Новгород (Рюриково городище). Назва держави при цьому не змінилася.

Якщо запропонована концепція вірна, то початковий етап історії Давньої Русі потрібно докорінно переглянути.

C. Zukerman

TWO STEPS OF THE FORMATION OF THE ANCIENT RUS STATE

Traditional chronological bounds of the initial period of Rus history are exaggerated but at the same time very narrow. Before the Kyiv Rus forming Rus State system had two stages of its formation. The first step falls on the 30th—70th years of the 9th century, the second one dates to the time from coming Rurik to Rus in 895 to the beginning of the 10th century. At that time its political center was transferred to the area of the Middle Dnieper. On the first step of forming its State system this union was named as the Rus khanate and was located in the Volkhov river basin. The capital of this union was Ladoga. At the beginning of the 70th years of the 9th century as a result of unknown intertribal war the khanate appeared to be destroyed. The new union which was headed by Rurik came up to take destroyed khanate place. Its center as we can consider was Novgorod (Rurik's hillfort). The name of state wasn't changed.

If the proposed conception is true, the initial step of Ancient Rus history must be thoroughly reconsidered.